Хотен Блудович (4)

Что во городе было во Киеве,
Вов селе-то было Карачееве
Да у славного у князя у Владимера,
Дак ведь было пированьё, почестён пир,
Да ведь было столованьё, пославён стол.
Да ведь было на пиру тут две вдовушки:
Тут была Офимья Чусова вдова,
Тут была Овдотья Блудова вдова.
Да у той Офимьи Чусовой вдовы
Да ведь есь у ей дочи красна Чайная.
А у той Овдотьи Блудовой вдовы
Да ведь есь у ей дитетко Хотенушко,
Да заветное да было будто куретко залетноё,
Да залетна кура во дому сидит.
Она посваталась Овдотья Блудова вдова
Да у той Офимьи Чусовой вдовы
Да на дочери на Красно-Чайноей.
Зговорит Офимья таковы слова:
— А ведь есь у ей девять сынов как ясных соколов;
Она жалеет их, нигде за их не смеет посвататьсе.
Наливала стокан мёду сладкого,
Выливала ей дак во ясны очи,
Заливала у ей шубу соболиную.
Она ведь-то говорит: «Не дорога мне шуба соболиная, равно в сто рублей, —
Около шубы дак во петьсот рублей,
Одны пуговки дак в челу тысячу.»
И пошла Овдотья со чесна пира домой очень невесела,
Очень невесела, очень нерадосьна.
И стречат ей дитетко дак Хотенушко:
— Уж ты гой еси, дак матушка родимая,
Уж гой еси, Овдотья Блудова вдова!
Що же ты идешь да со чесна пиру домой очень невесела,
Очень невесела, очень нерадосьна?
Дак было ле тебе место-то по вотчины!

Да ведь не были ле на тебя и супостаты-ти и воры-ти обносчички?
Доходила ле тебе чаша со пьяным пивом?
Доходила ле тебе чара с зеленым вином?
— Уж ты гой еси, дитетко Хотенушко!
Дак ведь было мне-ка место-то по вотчины,
Дак ведь не были и на меня супостаты-ти и воры-ти обносчички,
Доходила мне-ка чаша со пьяным пивом,
Доходила мне-ка чара с зеленым вином.
А ведь было нас дак на пиру тут две вдовушки:
Тут была Офимья дак Чусова вдова,
Тут была Овдотья Блудова вдова.
Да у той Офимьи Чусовой вдовы,
Да у той Офимьи дак Чусовой вдовы
Дак ведь есь у ей дочи Красно-Чайная.
Я посваталась за тебя дак за дитетка, дак за Хотенушка.
Зговорит Офимья дак таковы слова:
«Есь у меня деветь сынов как ясных соколов;
Я жалею их, нигде за их не смею посвататьсе».
Наливала мне дак стокан мёду сладкого,
А выливала мне дак во ясны очи,
Заливала у мня дак шубу соболиную.
А ведь то говорю: «Не дорога мне шуба соболиная, равно в сто рублей, —
Около шубы дак во петьсот рублей,
Одны пуговки дак в челу в тысячу.»
Дак тут Хотенку за беду стало,
Да и тут ему за великою.
Да пошел Хотенко во конюшной двор,
Он и брал себе коня дак неежджалого,
Неежджалого, дак постоялого;
Да на путнички ведь клал войлучки,
Да на войлучки седёлышко черкальчето,
Да семью подпругами подстегивал,
Да семью шелковыма подстегивал,
Да и сам коню да приговаривал:
— Еще туго коню будёт, конь подтяниться,
Конь подтяниться, дак белой шелк не со́рвитьсе.
И поехал ведь Хотенко ко Офимьину ко терему
Да и вышиб воротечка середи двора.
Тут выходит до́чи Красно-Чайная:

— Уж ты гой еси, Хотенко ты Хотенович, сын Иванович!
У тебя отца-то звали Блудою,
А тебя мы станем звать дак Пустоломою.
Дак тут Хотенку за беду стало,
Да и тут ему да за великую.
Вынимал он ножичок-укладничок
Да и ножичок-булатничок,
Он шиба́л в девицу Красно-Чайною.
А она была семян дак богатырскиех,
Она очень была уверчива;
Увернуласе она за ободверину, —
Ушел ножичок дак в ободверину,
В ободверину дак вплоть до черена.
И вынимал он ножичок-укладничок
Да и ножичок-булатничёк:
— Уж ты гой еси, дак дочи Красно-Чайная!
Ты скажи же своей маменьки дак цёломбитьицо,
Щобы ехала она дак з деветью сынами, как с ясныма соколми,
До со мной с Хотенушкой побрататьсе
Да и на полё Кули́ково,
Да на то на займищо Трепе́тово.
На то побоище Мамаево.
Идет Офимья со чесна пиру домой дак очень весела,
Очень весела, дак очень радосьня.
А стречат ей дак дочи Красно-Чайная:
— Уж ты гой еси, дак матушка родимая,
Уж ты гой еси, Офимья Чусова вдова!
А был у мня Хотенко-то Хотенович, сын Иванович;
Он велел тебе сказать да челомбитьицо.
Щобы ехала ты с деветью сынами, как с ясныма соколми,
Да со мной с Хотенушкой побрататьсе
Да ведь на поле Куликово,
Да на то на займище Трепетово,
Да на то побоищо Мамаево.
Да и тут Офимьи за беду стало,
Да и тут ее дак за великую.
— Уж вы гой еси, дак мои дети, деточки!
Вы возьмите-тко дак в руки востры сабельки,
Да срубите-тко да у Хотенка буйну голову,

Да соткните вы его дак на востро копьё.
А зговорят ей дак дети, деточки:
— Уж ты гой еси, дак матушка родимая!
Было тридцеть три богатыря,
Да не было Хотенка-та удалее.
— Уж вы гой еси, дак мои дети, деточки!
Как была бы у мня в ру́ках востра сабелька, —
Я срубила бы у вас по буйной головы,
Да соткнула бы я вас дак на востро копьё.
Ведь пошла она ко князю ко Владимеру да ко брату ко родимому,
Занела у его силы множество, четыре тысячи,
И отослала ету силу на поле Куликово,
На то на займище Трепетово.
Увидал Хотенко в поле ету силу, —
С этой силой нечего было ему марать(и)се.
А и был у его дядюшка Пану́та Пану́тович.
— Уж ты гой еси, дак дядюшка Панута ты Панутович!
Обувай-ко ты, Пануточка, лапоточки,
А лапоточки-обродочки
Из семи шелков дак всеких разные,
Всеких разные, дак разноличные.
Да поди-ко ты, Панута, во конюшной двор,
Ты бери себе коня дак неежджалого,
Неежджалого, дак постоялого;
Да на путнички-ти клади войлучки,
Да на войлучки седёлышко черкал(ь)чето;
Да семью подпругами подстегивай,
Да семью шелковыма подстегивай;
Да и сам коню да приговаривай:
«Ище туго ко́ню будёт, конь подтяниться,
Конь подтяниться, дак белый шелк не со́рвиться.»
А пошел Панута во конюшной двор,
Он и брал себе коня дак неежджалого,
Неежджалого, дак постоялого,
Да на путнички-ти ведь клал войлучки,
Да на войлучки седёлышко черкальчато;
Да семью подпругами подстегивал,
Да семью шелковыма подстегивал;
Да и сам коню да приговарывал:

«Ище туго ко́ню будёт, конь подтянитсе,
А конь подтяниться, дак белый шелк не со́рвитсе.»
И поехал ведь Панута на полё Куликово,
Да на то на займищо Трепетово,
Да на то побоище Мамаево.
Да поехал ведь Хотенко с ним да сзади караульщиком.
А дядюшка где проедёт — тут дак улица лёжит,
А поворотитсе — дак всё чисто полё.
Офимья послала деветь сынов караульщиками.
А Хотенко взял ведь деветь сынов как ясных соколов,
Он связал ведь их дак вместо волосами всех,
Поставил он на средину на чисто полё,
А сам поехал ко Офимьину ко терему,
А воткнул ведь он копьё дак середи двора:
— Уж ты гой еси, Офимья дак Чусова вдова!
Только заноси это ты копьё да златым-серебром,
Отпущу твоих дак сыновей дак на волю.
Она носила, носила златым-серебром,
Все копье да заносила златым-серебром,
Отдала она за него да свою дочушку.
Отпустил он ей дак своих родимых сыновей.

(Записано А. Д. Григорьевым в 1900 г. от Алексея Егоровича Сидорова, 48 лет, в д. Ве́ркола на средней Пинеге)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг., т. I — М., 1904.